

— Ответишь правильно — верну сигарету, — холодно бросил стоявший рядом Хань Линь.

Линь Цзунцзе судорожно сглотнул.

«Да твою ж мать, почему этот ходячий кошмар преследует меня на каждом шагу? — мысленно взвыл он. — Он же обычно после столовой сразу идёт в класс на тихий час? Неужели сегодня специально караулил? Стоп, а это ещё кто с ним? Откуда у него за спиной девчонка?»

— Ты чё, проблем ищешь? — Чэнь Кэ с грохотом хлопал ладонью по столу и резко поднялся, свирепо уставившись на Хань Линя. — Ты какими глазами углядел тут школьников, а? Живо вернул сигарету и свалил отсюда, пока цел.

Хань Линь даже бровью не повёл.

— А я и не говорил, что вы школьники. Я про него, — спокойно ответил он.

Он упёр тонкий аккуратный палец прямо в Линь Цзунцзе.

Обстановка накалялась. Хэ Линьчуань тоже поднялся с мрачным видом.

— Слышь, умник, тыкать пальцем в людей у нас не принято. Даю три секунды, чтобы убрал клешню.

— Вот как? Извини, в ваших законах я не силен, — Хань Линь безразлично пожал плечами и... на удивление покладисто убрал руку.

Со стороны этот жест выглядел трусливо, но Линь Цзунцзе отлично понимал: Хань Линь просто такой человек. Мягкотелый, витающий в облаках домашний мальчик... Постойте-ка. Раз он вечно витает в облаках, какого хрена он прицепился именно к нему?

Заметив, как помрачнел Линь Цзунцзе, Юань Юань решил, что босс разозлился. Поймав его взгляд, он тут же подскочил, хлопнув по столу:

— Слышь, ты, в школьной форме! Кого ты тут пугать вздумал? Забирай свою девку и катись отсюда. Ещё слово вякнешь — огребёте оба, и мне пофиг, что она девчонка!

— Хань Линь... — пискнула стоявшая позади девушка. Она и правда испугалась, поспешно прячась за его спину, но не упустила случая прижаться поближе и вцепиться в его рукав.

Хань Линь выглядел слишком утончённым, чистеньким и интеллигентным на фоне этой компании. Куда ему до пяти олимпийских фува напротив, так и источавших жажду крови,

словно банда разбойников! Видя, как его парни один за другим вскакивают с мест из-за какой-то несчастной сигареты, Линь Цзунцзе понял, что пахнет жареным. Терпеть кулачную расправу на ровном месте не хотелось, поэтому он поспешно поднялся, чтобы сгладить углы.

— Спокойно, пацаны, без глупостей, — Линь Цзунцзе замахал руками, призывая всех остыть. — Это свой. Познакомьтесь, мой новый одноклассник из Провинциальной ключевой школы, сидим за одной партой. Его зовут Хань Линь. Он у нас учебный староста, круглый отличник. Ну... любит пошутить надо мной время от времени.

— Когда это я с тобой шутил? — отрезал Хань Линь. — «Песнь пипы» выучил?

Линь Цзунцзе лишился дара речи.

Су Линь ушам своим не поверил и выдавил:

— Чё... «Песнь пипы»? Что это за хрень? Какая ещё пипа?

— Ну ты и тёмный, — фыркнул Хэ Линьчуань, пренебрежительно качнув головой. — Это же тот стих Су Ши: «В небесах и на земле всё имеет свой предел, лишь тоска моя пребудет бесконечной...»

Заметив, каким взглядом Хань Линь смотрит на этого недоумка, Линь Цзунцзе не выдержал и влепил Хэ Линьчуаню звонкий подзатыльник.

— Это написал Бай Цзюйи, идиот! — в сердцах рявкнул он.

К счастью, утром, когда Хань Линь листал учебник, Линь Цзунцзе краем глаза заметил название этого произведения. Память не подвела в нужный момент, и теперь он мог знатно выпендриться перед своими непутёвыми друзьями. Напустив на себя высокомерный вид, он всем своим лицом выражал немую скорбь: «И за что мне достались эти неотёсанные олухи?»

Будучи прирождённым отличником, Хань Линь не мог спокойно выносить дремучее невежество этой компании. Желание устроить ликбез вспыхнуло в нём помимо воли.

— «Песнь пипы» действительно написал Бай Цзюйи, — невозмутимо поправил он. — Вот только строчки, которые ты сейчас процитировал, из «Песни вечной обиды».

— А «Песнь вечной обиды» — это вообще что за муть? — искренне недоумевал Чэнь Кэ.

— А я знаю «Песнь пипы», — подал голос Юань Юань. — Я же говорил вам слушать нормальную музыку, а вы всё по компьютерным клубам торчите! Там же поётся: «Толстые струны рокочут, подобно внезапному ливню, тонкие струны журчат, как тихий испуганный

шепот. Шумные и тихие напевы сплелись в одну пеструю пряжу, словно на блюдо из нефрита сыплется крупный жемчуг...» Так ведь?

— Подожди, на это есть песня?! — Линь Цзунцзе мгновенно загорелся. — То есть, если я её выучу по песне, то смогу рассказать наизусть?

Утром, глядя на этот кошмарный текст длиной в две страницы, он испытывал лишь беспросветное отчаяние. Прочитать-то без запинки было подвигом, а тут требовали выучить наизусть!

Вот так назревавшая разборка внезапно превратилась в литературный кружок. Линь Цзунцзе буквально вцепился в Юань Юаня, требуя подробностей про эту песню.

Тот не стал долго распинаться, просто достал телефон, нашёл трек и нажал на воспроизведение.

Пока они возились, у Хань Линя и его спутницы окончательно пропал аппетит. Развернувшись, он повёл девушку к выходу. Зажатая в пальцах сигарета так и осталась у него. У самого порога он обернулся и ещё раз строго предупредил:

— И не смей курить.

Стоило дверям за ними закрыться, как Хэ Линьчуань недовольно проворчал:

— Да ладно, мы тут курим, а он-то откуда прознает?

— Он сидит со мной за одной партой! — огрызнулся Линь Цзунцзе. — Запах почует за версту, и смотреть не надо. Короче, тушите свои соски. Если от меня будет нести табачищем, я потом хрен отмажусь. Живо тушите, кому говорю!

Су Линь послушно вдавил окурок в пепельницу, но не удержался от смешка:

— Блин, Цзунцзе, звучит-то как двусмысленно...

— Ага, — поддакнул Чэнь Кэ. — Как будто муж втихаря сбежал из дома побухать с пацанами, а теперь боится, что благоверная по возвращении устроит ему взбучку.

Линь Цзунцзе только отмахнулся от их подколов. Он быстро скачал песню, которую советовал Юань Юань, вставил наушники в уши и поставил трек на бесконечный повтор.

Когда Хань Линь вернулся в класс, Линь Цзунцзе уже мирно дремал, уткнувшись лицом в

сложенные на парте руки. Повесив куртку, Хань Линь сел на своё место. Какое-то непреодолимое любопытство заставило его склониться ближе к парню и осторожно потянуть носом воздух. Пахло табачным дымом, но совсем слабо — значит, сам он действительно не курил.

Удовлетворённый результатом, Хань Линь уже собирался отстраниться, как вдруг Линь Цзунцзе резко вскинул голову.

Они столкнулись нос к носу.

Прежде чем Хань Линь успел сообразить, что происходит, Линь Цзунцзе от неожиданности вздрогнул всем телом. Он судорожно отпрянул назад, да так резко, что потерял равновесие. Стул под ним опасно накренился, и парень полетел спиной на пол.

В панике он отчаянно замахал руками, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь, но лишь смахнул стопки книг со своей парты и со стола сидящего позади одноклассника. Он замер в диком испуге, широко раскрыв глаза.

«Твою мать, если я сейчас шмякнусь на глазах у всех, это же будет позор на всю жизнь!» — пронеслась в его голове паническая мысль.

Руководствуясь железным правилом «если падать в грязь лицом, то не одному», он собрал остатки сил и мёртвой хваткой вцепился в воротник рубашки Хань Линя.

В этот миг Линь Цзунцзе впервые в жизни увидел на лице своего невозмутимого соседа неподдельную панику.

Через секунду они, сплетаясь в нелепый клубок, с грохотом рухнули под парту.

— Бля-я-я! — раздался оглушительный вопль, перекрывший грохот падающей мебели.

Хань Линю повезло больше — он приземлился на мягкого Линь Цзунцзе. Самому же «матрасу» пришлось несладко: мало того что на него сверху свалилась чужая туша, так он ещё и приложился спиной о жёсткий деревянный пол. Вдобавок ко всему на них лавиной посыпались учебники и тетради, а две парты над их головами опасно покачнулись, грозя вот-вот рухнуть следом.

Поскольку Хань Линь лежал сверху, весь удар пришёлся бы по нему. Линь Цзунцзе чисто на рефлексах обхватил руками его голову, защищая от летящих предметов. Разыграть благородного рыцаря и перевернуться не позволяло пространство — между рядами было слишком тесно, они и так зажали друг друга мёртвой хваткой в узком проходе.

В классе стоял тихий час, и от этого чудовищного грохота все разом подскочили на своих

местах. Больше всех перепугался Сун Чэн — он буквально катапультировался со стула, задев при этом парту Хань Линя. Стол лишился опоры, покачнулся и начал заваливаться прямо на лежащих внизу парней.

Линь Цзунцзе, который одной рукой прижимал к себе голову Хань Линя, попытался свободной рукой перехватить падающую машину. Но куда там! Тяжёлый угол стола со всей дури прилетел ему прямо по костяшкам пальцев. Класс огласил новый душераздирающий крик боли:

— Сука-а-а!

В итоге Линь Цзунцзе знатно потянул лодыжку и разбил пальцы в кровь. Когда Хань Линь сопровождал его в школьный медпункт, он то и дело ощупывал себя, словно выискивая скрытые повреждения.

Пострадавшего это задело за живое.

— Да что ты там всё выискиваешь?! — взвился Линь Цзунцзе, пока медсестра бинтовала ему ногу. — На лопатки приземлился я, твою голову и поясницу прикрывал я, летящую мебель на себя принял тоже я! Ты даже с полом не соприкоснулся! Чего ты там у себя разглядываешь? Хватит уже крутиться, бесишь!

Хань Линь замер и недоуменно посмотрел на него. Он всего лишь хотел убедиться, что цел, а этот крикун опять завёлся на ровном месте.

— У тебя что больше болит — рука или нога? — тихо спросил он.

— Да у меня всё тело ноет! Я... ай-яй, с-сука!

Линь Цзунцзе попытался резко приподняться на койке, но от резкого движения в ногу стрельнуло острой болью, и он с глухим стоном рухнул обратно на подушки.

Только тогда Хань Линь неторопливо поднялся со стула, подошёл к кровати и аккуратно поправил его перебинтованную ногу.

— Раз больно, лежи смирно. Чего дёргаешься?

— Да кто из нас ещё дёргается! Не будь тут меня, ты бы, небось, уже разделся догола и перед зеркалом каждый миллиметр своей драгоценной шкурки разглядывал!

— Я просто проверял, нет ли ушибов, — нахмурился Хань Линь. — Обязательно так орать?

— Ещё как обязательно! Пострадал тут я! Твою золотую башку спасал я! Твою задницу прикрывал тоже я! Работал живым матрасом для тебя и парту на себя ловил тоже я! А ты? Мы как в медпункт зашли, ты хоть раз на меня взглянул?

— Я вообще-то сейчас на тебя смотрю.

— Да потому что я орать начал! Не крикнул бы — хрен бы ты соизволил обернуться!

— А кто виноват, что ты стал падать и меня за собой утянул? Не хватал бы за воротник — ничего бы не случилось.

— Да потому что ты...

Линь Цзунцзе осёкся. Перед глазами невольно всплыло лицо Хань Линя, оказавшееся в тот миг непозволительно близко. Он судорожно сглотнул. В горле внезапно пересохло, а сердце предательски зачастило. Смутившись, он поспешно отвёл взгляд и буркнул:

— Сам виноват. Чего ты ко мне так близко подлез? Напугал до смерти.

Хань Линь промолчал. Линь Цзунцзе тут же засуетился, пытаясь перевести тему:

— Пить хочу. Налей воды.

«Ещё бы, устроил тут концерт на полдня, конечно, пить захочется», — мысленно съязвил Хань Линь, но спорить не стал. Он послушно подошёл к кулеру и налил в пластиковый стакан тёплой воды.

Придерживая Линь Цзунцзе, пока тот жадно пил, Хань Линь забрал пустой стакан и поставил его на тумбочку.

— Кстати, я выучил эту твою «Песнь пипы», — подал голос Линь Цзунцзе. — Правда, только в виде песни. Хочешь, прямо сейчас спою для проверки?

— Обойдусь без твоих вокальных талантов, — отрезал Хань Линь. — Давай просто устроим переключку: я читаю строчку, ты продолжаешь. Итак... «И в этот миг заговорила скорбь, сокрытая глубоко...» Ну? И какая следующая?

Линь Цзунцзе озадаченно моргнул.

— Эй, оглох, что ли? Я говорю: «И в этот миг заговорила скорбь, сокрытая глубоко...»

— Да не торопи ты меня! — заворчал Линь Цзунцзе. — Дай я сначала мысленно всю песню с самого начала пропою, тогда и отвечу.

Хань Линь лишь молча закатил глаза.

<http://bllate.org/book/18229/1752059>